

ТАНКИ ПОД СЕСТРОРЕЦКОМ

Расскажу об этом деле не с чужих слов, записанных мною в начале сентября, а со слов А. И. Осовско-

го, с которым мне удалось встретиться на передовой линии фронта только поздней осенью 1941 года в 3-м полку Кировской дивизии народного ополчения, занимавшем в ту пору уже надежно укрепленный рубеж в районе Курорта и Сестрорецка.

Анатолий Иванович Осовский родился в 1909 году в городе Тотьма Вологодской области, окончил шесть классов школы, в 1938 году вступил в партию. Перед войной служил в Териоках, руководил трестом кинофикации Карельского перешейка. Когда я встретился с ним в Курорте, он уже имел звание старшего лейтенанта. Вот его рассказ, записанный мною дословно.

«25 июня я вступил в организованный здесь истребительный батальон. Сначала был командиром взвода, затем — политруком роты. Командиром отряда был Побивайло из школы по подготовке комсостава НКВД.

В первые дни работа в батальоне сводилась не только к тренировке бойцов и несению караульной и разведочной служб, но и к обучению людей, которые должны были быть призваны в РККА. Работали по двенадцать-тринадцать часов в день, с выходами в поле: выполняли одновременно боевые задачи — охраняли отдельные участки железной дороги, занимались поисками парашютистов. И, судя по тому, что на участках, охраняемых другими отрядами, бывали случаи диверсионных взрывов, а на нашем участке таких случаев не было, охрану несли хорошо. Так было до 22 августа.

22 августа я выпросился в партизанский отряд, был принят бойцом, но уже через три дня меня утвердили командиром отряда. Мы занялись экипировкой, подготовкой и изучением всего, что нам могло понадобиться, вплоть, например, до приемов джиу-джитсу.

31 августа отряд поступил в распоряжение 23-й армии, в тот же день получил задание выехать в Териоки, уточнить там обстановку и постараться проникнуть в тыл финнам. Если же это не удастся, то сделать базу за Келломяками и действовать по указаниям разведотдела армии. Базу мы создали и 1 сентября прибыли в Сестрорецк. Я явился с докладом к секретарю Сестрорецкого горкома партии и начальнику местного НКВД и, когда в моем присутствии было доложено разведчиками, что на Сестрорецк движется группа танков и пехоты противника, попросил разрешения выйти навстречу противнику и задержать его.

Мобилизовал одну автомашину и выехал с двадцатью шестью человеками. В двух километрах от Сестрорецка встретил нескольких бойцов, которые подтвердили, что в трех-четыре сотнях метров идут танки и пехота, да и мы слышали их стрельбу из орудий и пулеметов. Мы сошли с машины, рассыпались по сторонам дороги и расчлененным строем, выслав разведку, стали продвигаться вперед. Пройдя метров четыреста по леску, в местности «Таможня», между Оллилой и Курортом, увидели стоящий на пригорке у дороги танк, который стрелял из орудия по нашему тылу и строчил из пулемета по обочине дороги.

Распределив людей вдоль дороги, я с бойцом Большаковым прополз метров пятьдесят вперед и залег на середине дороги, за оставленным здесь разбитым трактором. Затем, заметив лучшее прикрытие — небольшой песчаный ремонтный карьерчик у самой дороги, переполз туда. Меня не заметили, и, все время стреляя, танк очень медленно и осторожно приближался. Через несколько минут ко мне приполз боец Севрин:

— Без меня командир быть не может!..

Приблизительно минут через сорок танк пошел вперед быстрее. Когда он был метрах в двадцати от меня, я встряхнул противотанковую гранату и, едва танк приблизился еще метров на десять, выскочил и метнул ее под левую гусеницу. Раздался взрыв, танк с порванной гусеницей развернуло боком ко мне. Севрин подал мне вторую гранату, я швырнул ее, она упала у самого танка, порвала правую гусеницу и ведущие колеса. Это был танк Т-3, средний, германский. Кроме меня погранате бросили Большаков и Севрин. Но пулеметы танка продолжали бешеную стрельбу. Выглянув, я заметил, что люк танка открыт. Оказывается, в это время двое из экипажа танка пытались удрать. Один из них был убит выстрелом товарища Эхина, охранявшего нас метрах в пятидесяти. В открытый люк я бросил гранату РГД-33, после чего танк замолк и оказался окончательно выведенным из строя. Был я тогда, бросая гранаты, спокойнее, чем сейчас, — таков был азарт!..

В тот момент на расстоянии около ста метров показался большой башенный танк, открывший стрельбу из пулемета по всей местности. Одновременно с правого фланга появился третий танк, средний, который тоже открыл стрельбу и пытался пойти в обход, но, наткнувшись на сырую, топкую местность (около реки Сестры), повернул обратно. По бокам от большого

танка двигалась пехота — сорок — пятьдесят человек. Мы открыли огонь из винтовок, а Эхин — из имевшегося у него автомата. Движение врага приостановилось: мы боялись их, а они — нас, не зная, сколько нас здесь. Я тут же уполз к своим: нас набралось примерно человек сорок, так как с нами было человек пятнадцать примкнувших, из тех, что отступали и встретились с нами.

Противник остановился. Танк повел огонь из башни, а пехота — из винтовок. Но огонь противника не приносил нам ущерба, наша позиция на скате высоты оказалась удачной. В перестрелке мы провели более двух часов. Танк стал бить шрапнелью. Разрывы приходились у нас над головой. С правого и левого флангов у нас не было никого. И я, зная, что позади имеется место, где танки могут пройти только по двум дорогам, ибо кругом вода, решил отвести отряд. Вывел его в район Ржавой канавки, немедленно окопался и приготовился встретить врага.

Через несколько часов я был вызван к заместителю командующего 23-й армией полковнику Андрееву, который сообщил, что нашему отряду А. А. Жданов объявил благодарность и приказал держать занимаемый рубеж.

Здесь мы были шесть суток. Несмотря на то что противник вел бешеный пулеметный и минометный обстрел, за все шесть суток мы потеряли только одного человека убитым, а раненых не было вовсе. Весь мой отряд состоял из тридцати трех человек.

Это были дождливые дни. Глина размякла. Партизаны без отдыха несли дежурство, занимали большой участок. И еще выделяли для наблюдения за дорогами (справа и слева от нас) людей, из тех, кого останавливали, — разрозненных, бегущих с Карельского перешейка красноармейцев. Они были деморализованы и, несмотря на наше влияние, во время минометных обстрелов начинали бегать с места на место, и потому среди них каждый день бывало по пять-шесть убитых.

В ночь на 7 сентября я получил приказ сдать участок кадровой части, а самому с отрядом идти на отдых. Через несколько дней мой отряд был влит в 120-й истребительный батальон и зачислен в нем отдельным взводом».